

О РОЛИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ
СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТОВ
«ВЕС» И «КРУГ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА)

Е.В. Резникова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия*

Аннотация: Статья посвящена изучению когнитивных принципов, на которых выстраивается семантическая структура двух концептов – «Вес» и «Круг». Роль эмпирических факторов в структуре данных концептов оказывается принципиально различной: если концепт «Вес» моделируется на основании телесного опыта (разнохарактерного взаимодействия с тяжелыми и легкими предметами) при минимальном участии абстрактно-логических категорий (величина), то концепт «Круг» моделируется преимущественно на логических основаниях, хотя изначально также основан на чувственном опыте. Различия обусловлены тем, что зрительный канал восприятия, в отличие от кинетического, повышает уровень абстракции.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, телесный опыт, метафора, круг, вес.

Семантическая структура концептов оказывается в центре внимания многочисленных концептуальных исследований. В зависимости от избранной методики, может выстраиваться как полевая [Болдырев 2019; Попова, Стернин 2010; Стернин 2001], так и многосвязная структура [Топорова 2019; Мещанова 2018; Резникова 2023], отражающая либо релевантность значений в рамках одного концепта, либо систему связей между отдельными смыслами соответственно. Последний способ структурирования концепта оказывается особенно продуктивен для объяснения различных семасиологических явлений, в числе которых можно назвать проблему системности ассоциативно-семантического поля (языковой проекции концепта [Илюхина 2010]), особенностей семантического варьирования, регулярной многозначности и др.

При исследовании богатых концептов, обладающих широким спектром смыслов, каждый лингвист сталкивается с проблемой систематизации выявленных значений, определения связей между ними, их иерархии, поиска логики в организации и внутреннем развитии концепта. И это представляет большую сложность, учитывая и количество, и разнородность смыслов, и многообразие средств экспликации, многие из которых включают еще и неконцептуальные смыслы (выходящие за рамки рассматриваемого концепта).

Многие образы, в особенности обобщенные, мало конкретизированные, обладают широчайшим спектром как смыслов, так и ассоциативных связей с различными явлениями действительности. Например, образ круга может выражать смыслы «гармоничность», «однородность», «ограниченность»,

«непроницаемость», «объединение», «со всех сторон», «полностью», «приближенность»/«удаленность», «бесконечность», «многократность», «повторяемость», «завершенность» и мн. др. Ср.: *округлые фразы, круглый стол, кольцо блокады, замкнуться в кругу семьи, попасть в окружение, кругом виноват, круглый сирота, ходить вокруг да около, околосемная орбита, пойти окольным путем, круговорот дней, циклический процесс, мысль свершила полный круг, вернувшись в исходную точку* и др. Образ веса связан с воплощением смыслов «выраженные/незначительные усилия», «сложность/простота обращения», «устойчивость», «мобильность», «свобода движения», «мощность», «интенсивность», «позитивное/негативное воздействие», «причинение вреда, боли», «положительные/отрицательные эмоции», «резонанс», «громкость», «большой/малый размер», «значительность», «плотность», «разреженность» и др. Ср.: *тяжелый бой, тяжелая поступь, легкий на ноги, тяжело на душе, облегчить душу, груз проблем, гнетущее чувство, подавленное состояние, раздавлен горем, согласиться под давлением, чувствовать легкость, тяжелый подбородок, легкий стан, веский аргумент, иметь вес в политике, легкая одежда, легкое дыхание*. Следует оговориться, что смыслы выделяются с поправкой на полисемантичесность: в одном контексте слово может выражать одновременно несколько смыслов. Например: *она так тяжело дышала и так запыхалась, что несколько секунд не могла выговорить ни слова* (Ю. Домбровский). Лексема *тяжело* в данном контексте означает и частоту, и глубину (интенсивность) дыхания, и прилагаемые усилия.

В формировании концептуальной структуры определенную роль играет эмпирический (телесный) фактор. Американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон активно разрабатывают вопрос об участии телесного опыта в формировании концептуальных структур [Johnson 1987; Lakoff 1988, 1990]: «концептуальные структуры развиваются <...> из базисных структур, создающихся в результате того, что мы взаимодействуем с физическим миром, считая данными наше телесное существование и физические события мира, в котором мы живем» [цит. по: Ченки 1996: 70]. Это подтверждается исследованиями антрополога Б. Берлина и когнитивного психолога Э. Рош [Rosch 1973; 1975], которые установили, что «имеется такой уровень категоризации, на котором человек эффективнее всего взаимодействует с окружающей средой и наиболее продуктивно обрабатывает, хранит и передает информацию» [цит. по: Ченки 1996: 71]. На примере концептов «Вес» и «Круг» рассмотрим роль чувственного опыта в формировании их структуры.

Если обратиться к концепту «Вес» в русской языковой картине мира, можно заметить, что в формировании его структуры заметно преобладает роль эмпирических факторов над логическими. Так, представляется, что логическая категория, классифицирующая категорию веса, будет всего одна – величина: в концептосфере оказывается противопоставленным тяжелый и легкий вес, в значительно более редких случаях концептуализируется средний вес. Ср.: *тяжелая/легкая сумка, тяжелые шахи – легкая походка, тяжелая/легкая промышленность, тяжелая/легкая атлетика, тяжелая*

болезнь / легкое недомогание, тяжелый/легкий характер, травма средней степени тяжести.

Однако множество смыслов, ассоциирующихся с весом (размер, количество, плотность, интенсивность), предопределяется конкретным опытом взаимодействия человека с тяжелыми и легкими предметами. Этот опыт оказывается очень многообразным: усилии, прилагаемое к предметам, их воздействие на человека, особенности манипуляции с ними и мн. др. Мы предполагаем, что структура концепта «Вес» выстраивается не столько на логических основаниях, сколько на аспектах конкретного физического опыта.

1. Представление о весе связано, во-первых, с определенными мышечными ощущениями: для манипуляции с тяжелым предметом требуется больше усилий, чем с легким, что порождает смыслы «трудоемкий», «энергозатратный», «требующий усилий», «сложный» и их антонимы. Ср. в метафоре: *тяжелая работа – легкие, необременительные обязанности, тяжело передвигаться, идти легким путем, нести бремя власти; Достаточно было легонько толкнуть дверь, чтобы она покорно распахнулась* (А. Волос); *Тяжело нам дались прежние достижения* (И. Вольский); *Мы принимаем множество решений, с усилием или легко, складываем из них жизненный опыт* («Экран и сцена»).

Опыт манипуляции тяжелыми и легкими предметами типично свидетельствует о неповоротливости первых и мобильности последних, возникают смыслы «сложность», «неловкость», «неуклюжесть» или, напротив, «подвижность», «свобода», «неограниченность рамками». Ср.: *тяжело двигаться, тяжелый на подъем, легкость движений, тяжело/легко управлять техникой; с кем-л. тяжело общаться, тяжелый характер* (с человеком сложно взаимодействовать); *язык был тяжелым, не подчинялся* (А. Алексин); *Ему тяжело было лгать* (А. Чехов); *Те, кто умеют, так же легко переключают внимание обратно* (Запись LiveJournal).

Тяжелые предметы являются одновременно и более устойчивыми: *Эта партия, похоже, готова послать в нокаут главного политического тяжеловеса* («Завтра»). Легкие предметы или явления, соответственно, концептуализируются как неустойчивые, нестабильные: *Девушка морально устойчивая / легкого поведения, легковерный человек.*

С опытом манипуляции связан также смысл «тянет вниз»: *сила тяжести; приподнялась, но тут же тяжело осела* (под действием веса); *Потом он стал тяжелеть, все безвольней повисал на моей руке* (Ф. Искандер). Те же предметы, которые намеренно удерживаются в воздухе, характеризуются через свойство «иметь вес», например, *держат на весу.*

2. Важным оказывается и опыт воздействия тяжелого/легкого предмета на человека или другой объект: концептуализируются вред, боль, которые может причинить тяжелый предмет, в отличие от легкого. Ср.: *тяжело на душе, тяжелое чувство, заботы легли на плечи, под гнетом обстоятельств, груз ответственности, согласиться под давлением, подавлять кого-л., подавленное состояние, раздавлен горем, на мне висят неотложные дела, у нее на шее большой ребенок, снять тяжесть с души, облегчить*

душу, с *легким* сердцем, *камень с плеч*, с *легкой* руки (букв. рука, которая не навредит делу), *прикосновения легкие, как перышко*.

Одним из аспектов воздействия является мощность: *В качестве тяжелой артиллерии задействована администрация президента («Завтра»); Легкий ветер с моря приносит звуки этой земли* (К. Арутюнова).

3. Скорость перемещения предмета становится еще одним аспектом восприятия веса: как правило, тяжелые предметы перемещаются медленнее легких. Ср.: *лифт тяжело спускался, работа продвигается тяжело, легко покати́лся*.

4. Оценка размера, объема предмета: по опыту, наблюдается определенная корреляция между размером предмета и его весом: предметы большого размера чаще более тяжелые, чем маленькие. Аналогично размер доли чего-л. может характеризоваться через его вес. Ср. в метафорических употреблениях: *тяжелый подбородок* (крупный), *легкий стан, тяжелые тучи* (большие, низкие, плотные), *удельный вес расходов, тяжелый файл* (большого объема, в том числе медленно открывается), *Мы можем проследить, как менялся вес политического влияния различных элитных групп* («Время МН»).

5. Количество предметов типично ассоциируется с большим весом, если предметов много, или с меньшим, если аналогичных предметов мало. Например: *масса дел, массовое мероприятие, ни грамма сомнений*.

6. Плотность: более плотные предметы воспринимаются тяжелыми, разреженные – легкими: *легкая шапка, куртка, тяжелые шторы, тяжелый/ легкий туман; в теплую погоду можно использовать легкие дождевички* (Наши дети: Подростки); *комнатки были густо и тяжело украшены* (А. Волос).

С осмыслением плотности или количества чего-либо связана и семантика интенсивности, возникающая у лексем данного поля: *легкая разминка, легкий бег, тяжелая тренировка* (не только требующая усилий, но и интенсивная); *Мы стояли, тяжело дыша* (Б. Окуджава); *От следа пахло тяжело – порохом, табаком, мокрой резиной* (Ю. Коваль); *тяжелая болезнь – легкое недомогание*. Последние примеры не исключают также образ воздействия на организм (тяжелая болезнь – та, что причиняет страдания).

7. В ряде случаев может концептуализироваться и звук: так, при падении тяжелые предметы издают более громкий и низкий звук, что также находит свое отражение в языке: *тяжелые раскаты грома, тяжело бухнула пушка, тяжело гудящий самолет; Тяжело и низко шумели липы* (С. Довлатов); *Тяжелые, мерно повторяющиеся аккорды* (о низких нотах – Е.Р.) («Известия»); *Из-за створок донесся легкий звук – не то короткий шелест бумаги, не то всхлип* (Г. Яхина); *...слышались деликатные, нежные, легкие звуки, суищее порхание* (В. Маканин).

Семантика ценности, значимости также присутствует у слов, репрезентирующих образ веса, и, возможно, берет начало в образе кошелька, наполненного (тяжелого) или пустого (легкого): *веская причина, весомый аргумент, добавить кому-л. веса, учитывать вес на международной арене, слова потеряли вес, легковесный человек, легкий умишко; Мы тщательно фильтруем наш репертуар от легковесности* (А. Гулина); *Это был вызов и весомый*

удар по репутации (Л. Черняк); *Руководитель сильно теряет в весе и из председателя превращается в секретаря* («Еженедельный журнал»).

8. Сопоставление по весу. Опыт оценки веса, несомненно, занимает важное место в структуре данного концепта, причем чаще используются не абсолютные величины, выраженные единицами измерения, а обобщенное сравнение веса двух или более предметов. Ср.: *взвесить за и против, степень тяжести травмы, на одной/другой чаше весов*.

Разумеется, реальный опыт намного богаче и зачастую расходится с идеальными/типичными представлениями, однако именно последние участвуют в формировании концептуальной структуры и находят отражение в языковой образности.

Каждая из приведенных ветвей представляет собой отдельную сторону нашего опыта, а потому стоит говорить о неиерархичной, радиальной структуре данного концепта. Как только в сознании закрепляются соответствующие ассоциации (тяжелый – «большой», «плотный», «требующий усилий», «медленный», «неповоротливый»; легкий – «маленький», «разреженный», «не требующий значительных усилий», «быстрый», «мобильный» и т. д.), любые реалии, в том числе абстрактные, воспринимаемые как большие/маленькие, плотные/разреженные и т. д., начинают концептуализироваться в категориях веса. Пример подобной цепочки переносов: физическое состояние (*тяжело себя чувствовать*) – эмоциональное состояние (*тяжело переживать*) – факторы, приводящие к определенному состоянию (*тяжелое известие*).

Таким образом, в формировании структуры концепта «Вес» ведущую роль играют именно эмпирические факторы.

Для концептов формы, с одной стороны, базирующихся на определенном графическом образе, с другой – абстрагированных от конкретных особенностей круглых форм, использование эмпирического образа также характерно. Во-первых, форма круга – это результат обобщения множества частных чувственно воспринимаемых форм, которые присущи конкретным объектам действительности (ср.: *спасательный круг, круглый мяч, круглый торт, круглый карандаш, круглое яблоко, круглое озеро, круглые глаза* и т. п.: одно название, т. е. один способ концептуализации, используется для множества уникальных форм). Во-вторых, те или иные значения в составе образ-схемы «круг» уходят своими корнями не столько в логическое осмысление соответствующей схемы, сколько в опыт взаимодействия с предметом этой формы. Например, смыслы «гладкость», «отсутствие углов», «способность катиться» рождаются из эмпирического восприятия предметов круглой формы (и зрительного, и тактильного): *уютный стиль округлых плавных форм* («Homes&Gardens»); *вставал ко мне углами Мир, не похожий на овал* (Н. Коржавин). Смыслы «возврат к исходному», «повторение» формируются под влиянием моторного опыта (хождение/езда по замкнутой траектории) и т. д. Ср. в примерах: *круг в определении, возвратиться на круги своя; Достоевский... вращался по кругу, углубляясь в одни и те же проблемы* (Б. Бурсов).

Однако ведущей логикой группировки смыслов в рамках концепта «круг» является осмысление тех или иных логических параметров круга в рамках

определенной образ-схемы («конфигурация», «замкнутость», «центр – периферия», «траектория движения»).

Так, в рамках образ-схемы «конфигурация» отдельные смыслы («просто-та», «совершенство», «равноправие», «гладкость», «неспособность ранить», «невозможность зацепиться», «возможность катиться» и др.) группируются вокруг логического осмысления формы круга: наличие всего одной линии в изображении круга, отсутствие сегментов, углов и неровностей, равноудаленность всех точек окружности от центра и др. Ср.: *Платон Каратаев остался навсегда в душе Пьера олицетворением всего русского, доброго и круглого* (Л. Толстой); *округленная плавность речи, иногда у самых ничтожных людей, внушала ему досаду, смешанную с простодушным восхищением* (Д. Мережковский); *...душа у моей бабушки была столь круглой и гладкой, что жизни было просто не за что зацепиться* (М. Палей); *важнейший вопрос был решен не за круглым столом, а с позиции силы* («Шахматное обозрение»), *Мягонько, кругленько вкатился Колобок на пароход «Северяга»* (Б. Акунин).

Образ-схема «замкнутость» базируется на идее ограниченности круга линией окружности, которая разграничивает пространства внутри и снаружи круга, препятствует перемещению из одного пространства в другое и включает смыслы «ограниченность», «несвобода», «недоступность», «защищенность», «выделенность» и др., а при концептуализации разрыва границы или перехода через нее – «коренное изменение», «обретение свободы», «приобщение к чему-л.», «вызов кому-/чему-л.». Ср.: *Гостиные, сплетни, балы – вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти* (Л. Толстой); *Война сводит его с теми, кого... он никогда бы не смог увидеть, а тем паче войти в этот «назначенный круг»* («Вопросы литературы»); *...развивающимся странам не удастся разорвать заколдованный круг нищеты и голода* («Знание – сила»).

Своеобразно осмысляется образ-схема «центр – периферия», которая представляет идею круга весьма размыто: здесь нет ни идеи правильности формы, ни границы, лишь отношения центра и его окружения, правда, отношения многообразные, разноаспектные: управления, зависимости, взаимовлияния, близости и одновременно дистантности. Ср. в примерах: *слепой первенец по-прежнему остался центром, около которого группировалась вся жизнь усадьбы* (В. Короленко); *Ставрогин – солнце, вокруг которого все вращается. Все тянется к нему, как к солнцу, все исходит от него и возвращается к нему* (Н. Бердяев); а также *околосердечная сумка, околосредоточные воды, идти окольным/кружным путем, ходить вокруг да около*.

Особым образом концептуализируются и отдельные элементы этой схемы: центр наделяется свойствами «быть серединой чего-л.», «быть главной частью», «организовывать что-л.», «иметь большую развитость в сравнении с периферией», «быть средоточием чего-л.» и др.: *центр города, центр управления полетами, центр постановил, торговый центр; этот бедный, пустынный край был для него центром мира, его духовным средоточием* («Вестник США»); *Квентин славится умением возвращать людей в центр*

всеобщего внимания («Экран и сцена»). Периферия же отличается размытостью границ, непрерывностью, ориентированностью на центр и рядом других свойств. В языке это выражается в следующих примерах: **окружить заботой, быть в окружении близких, кругозор личности, кругом виноват, круговая оборона; мы окружены словом, которое слышим, которое можем читать** (А. Блум).

Наконец, образ-схема «траектория движения» охватывает многообразные логические аспекты динамики: полнота/неполнота обращения, количество оборотов, совпадение циклов, направление движения, его скорость и мн. др.: **описать круг/дугу, история свершила круг, закружаться, круглый год, циркуляция воздуха, цикличность процессов, на новом витке конфронтации, прокручивать в памяти события дня, возвратиться на круги своя, сойти с круга жизни, как ни крути, вертеть кем-л., колесо Фортуны, набирать/снижать обороты, взвинченное настроение, слухи докатились, раскаты грома, скатиться в жизни** и т. д.

Разумеется, такие компоненты структуры, как непроницаемость границы и, следовательно, ощущение несвободы или, напротив, защищенности внутри границ, движение по кругу, непрерывность и неочерченность периферии как восприятие пространства, которое человек может видеть вокруг себя, включают эмпирическую составляющую, как и в целом зрительный образ идеального круга, однако ведущую роль в формировании структуры данного концепта играют все же не эмпирические, а абстрактно-логические категории.

Таким образом, структуры концептов «Круг» и «Вес» имеют принципиальные различия: кинетический концепт «Вес» выстраивается на эмпирических основаниях (на опыте взаимодействия с тяжелыми и легкими предметами), зрительно-моторный же концепт «Круг» базируется на разноаспектном логическом осмыслении данной фигуры/трассы. Эмпирическая составляющая в концепте «Круг» в значительной степени сохраняется в моторной (кинетической) части: в том, что касается кругового движения, перемещения относительно границы и тактильного восприятия гладкости круга.

Поскольку именно кинетические образы как в концепте «Вес», так и в части концепта «Круг» сохраняют прочную связь с опытом, а зрительный образ легко абстрагируется, напрашивается вывод о зависимости принципов построения структуры концепта от ведущего канала восприятия, во всяком случае, для тех концептов, которые представляют мыслительные образы реальных, доступных чувственному познанию.

Библиографический список

1. Johnson M. The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; L., 1987.
2. Lakoff G. Cognitive semantics // Meaning and mental representations. Bloomington, 1988.
3. Lakoff G. The invariance hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive linguistics. 1990. V. 1. N. 1.

4. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М., 2019. 480 с.
5. Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара, 1998. 204 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Мешанова Н.Г. Метафорический образ игры на музыкальном инструменте сквозь призму структурной типологии концептов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. №1. С. 149-153.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток – Запад, 2010. 314 с.
9. Резникова Е.В. Образ-схема как модель описания структуры концепта. М., 2023. 276 с.
10. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И.А. Стернина. Воронежский гос. университет, 2001. С. 58-65.
11. Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка (на материале русского и немецкого языков): Дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2000. 303 с.
12. Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. №2. С. 68-78.

УДК 81'233

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КОНФУЦИЯ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТЕКСТАХ Л. Н. ТОЛСТОГО

Сун Кэлинь

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь*

Аннотация: Статья посвящена изучению языковой личности Конфуция, основателя конфуцианства, одного из самых значительных мыслителей и философов в истории человечества, на основе информации, полученной из корпуса русской классики Национального корпуса русского языка и представленной в текстах великого писателя в истории мировой литературы Льва Николаевича Толстого. Анализ лексемы *Конфуций* в текстах Л.Н. Толстого показал, что языковая личность Конфуция проявляется в следующих категориях: 'автор афоризмов', 'мудрец', 'философ', 'мыслитель', 'атеист', 'основатель конфуцианства' и 'учитель'. Частотность ядерного значения языковой личности Конфуция как 'автора афоризмов' свидетельствует о восхищении и признании мыслей Конфуция Львом Толстым. Изучение языковой личности Конфуция в классических произведениях помогает определить влияние и статус Конфуция, выявить уровень восприятия его в западном мире русскоговорящими.

Ключевые слова: языковая личность, Конфуций, Лев Толстой, Национальный корпус русского языка, корпус русской классики.